

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1908.

ОКТАБРЬ, — НОЯБРЬ, — ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

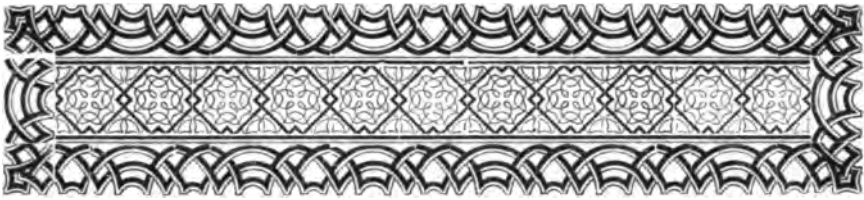
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

Маріенбургскій узникъ.

(Историческій очеркъ).

I.

Водъ этимъ заглавіемъ мы находимъ въ „Историческихъ очеркахъ“ извѣстнаго польскаго историка А. Даровскаго весьма интересныя данныя о заточеніи поляками въ Маріенбургскомъ замкѣ отца московскаго царя Михаила, митрополита Филарета, въ бытность его посломъ подъ Смоленскъ къ польскому королю Сигизмунду III-му.

Въ историческихъ дѣяніяхъ Польши,—говоритъ г. Даровскій,—прошелъ почти незамѣченнымъ отрывокъ изъ письма короля Сигизмунда III-го, заключающій въ себѣ, несмотря на свою лаконичность, длинную одиссею страданій и мытарствъ человѣка, котораго судьба бросала въ разныя стороны съ восемнадцатилѣтняго возраста, не давая ему покоя: который испыталъ и перенесъ всякія перипетіи жизни и перевороты, постигшіе Москву въ началѣ XVII столѣтія.

22 января 1619 года, король Сигизмундъ III послалъ письмо съ нарочнымъ гонцомъ въ г. Вязьму къ польскимъ комиссарамъ, избраннымъ на сеймъ въ „Московскую Экспедицію“. Въ этомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ послѣднихъ о нижеслѣдующемъ:

„Въ соглашеніи Вашихъ Милостей и Любезностей, учиненномъ съ Москвою и доставленномъ Намъ секретаремъ Нашимъ Гридичемъ, Мы усматриваемъ между прочими кондиціями, такой параграфъ, чтобы плѣнные обѣихъ сторонъ были доставлены своевременно на мѣсто обмѣна къ извѣстному сроку. Въ виду этого и во избѣжаніе съ нашей стороны не желательныхъ замедленій, Мы сочли за благо приказать дворянину Якову Бедржицкому тотчасъ

же отправиться въ Мариенбургъ, взять изъ тамошняго замка митрополита московскаго Филарета и немедля доставить его Вашимъ Любезностямъ, для поступленія съ нимъ, какъ и съ другими плѣнными, согласно учиненныхъ Вами договорныхъ статей трактата 1)“.

Само собою разумѣется, что приказъ, данный королемъ, послужилъ для митрополита Филарета и Василия Голицына, — хотя о немъ и не упоминается—не только освобожденіемъ изъ плѣна, но въ то же время громаднымъ переломомъ въ его жизни, преисполненной ударовъ судьбы. Если бъ Филаретъ велъ дневникъ своей жизни или записывалъ событія, то навѣрное оставилъ бы намъ преинтересную историческую страницу. Постриженный въ 1601 г. и сосланный Борисомъ Годуновымъ въ Сибирь; заключенный тамъ въ тюрьму; возвращенный потомъ Гришкой Отрепьевымъ въ Москву: схваченный затѣмъ вторымъ самозванцемъ; бывший свидѣтель всей кампаніи короля Сигизмунда подъ Смоленскъ и Москву; наконецъ, содержимый восемь лѣтъ въ роскошнѣйшемъ Мариенбургскомъ замкѣ, — въ сравненіи съ которымъ меркли кремлевскія богатства,—Филаретъ, точнѣе Ѳеодоръ Никитичъ, могъ теперь освободиться и занять мѣсто на ступенькахъ царскаго престола и воссѣдать рядомъ съ своимъ сыномъ, молодымъ монархомъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Эта игрушка судьбы и одна изъ главныхъ жертвъ бурной эпохи, какъ равно и одинъ изъ главныхъ дѣятелей противъ Вазъ и ихъ политики,—окончилъ свое брненное существованіе почти одновременно съ Сигизмундомъ III, виновникомъ его заточенія въ бывшемъ замкѣ крестоносцевъ.

Однако, не слѣдуетъ принимать черезчуръ трагически пребыванія митрополита въ прусскомъ Мариенбургѣ: ни онъ, ни Василій Голицынъ не были строго заточенными, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда: они не раздѣляли судьбы сосланныхъ на заточеніе узниковъ. Мы подчеркиваемъ это обстоятельство потому, что, въ сущности, Мариенбургская тюрьма была политическая: въ ней были подземелья, извѣстныя еще съ временъ крестоносцевъ, въ которыя заточали преступниковъ для отбыванія наказаній: но Филаретъ не раздѣлялъ печальной участи литвиновъ, захватываемыхъ великимъ магистромъ и сажаемыхъ въ темныя и сырыя подвалы. Правда, онъ былъ военноплѣннымъ; но условія, при какихъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, были совсѣмъ иныя, какъ было и иное положеніе, вообще. Какъ извѣстно, все посольство, отправленное изъ Москвы подъ Смоленскъ, было схвачено и отправлено въ Польшу. Но вѣдь то же самое совершилъ до этого, да еще два

1) «Подлинныя Свидѣтельства», П. Муханова.

раза, царь Василій Шуйскій съ королевскими послами, благодаря чему и боярскіе легаты были схвачены, въ отместку, а съ ними, слѣдовательно, и Филаретъ съ Голицынымъ, независимо отъ другихъ причинъ. Поэтому, никакого злоупотребленія со стороны короля не было и не могло быть: онъ только поквитался. Съ маріенбургскимъ узникомъ и обходились совсѣмъ иначе: онъ былъ только интернированъ, т. е. сосланъ въ этотъ замокъ и содержимъ при всѣхъ удобствахъ, подобающихъ его высокому духовному сану. Тѣмъ больше, что вскорѣ по взятіи митрополита въ плѣнъ, его сынъ Михаилъ воссѣлъ на престолъ Іоанна Грознаго.

Очень жаль, — говоритъ г. Даровскій, — что мы не имѣемъ болѣе обширныхъ свѣдѣній о пребываніи Филарета въ замкѣ Конрада Валенрода и Ульриха Юнгингена, въ величественномъ, художественномъ, громадномъ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою Нога-томъ и каналомъ, готическомъ замкѣ, состоящемъ изъ цѣлаго комплекта великолѣпныхъ зданій, окруженныхъ каменными стѣнами, башнями и каналами, а съ стороны главныхъ воротъ — охраняемомъ болѣе скромнымъ подворьемъ, хозяйственными постройками, мастерскими и конюшнями!.. Какая колоссальная разница съ Кремлемъ, съ его почернѣлыми стѣнами, тѣсными комнатами, византійской позолотой и даже дворцомъ въ стилѣ ренесансъ, построеннымъ итальянскимъ архитекторомъ посредникъ Кремля въ царствованіе Іоанна Грознаго! Въ 1612 году, т. е., когда русскіе послы были заточены въ Маріенбургскомъ замкѣ, всѣ зданія его оставались такими, какими ихъ оставилъ орденъ крестоносцевъ, только назначеніе ихъ измѣнилось во времена поляковъ, т. е. съ 1468 года.

По нашему мнѣнію, Филаретъ и Голицынъ не имѣли ничего общаго съ „Шильонскимъ узникомъ“ или „Желѣзной Маской“, напротивъ, они навѣрное содержались, по всѣмъ даннымъ, свободно, согласно гуманнымъ взглядамъ начальства и гражданъ Рѣчи Посполитой. Правда, у насъ нѣтъ никакихъ тому доказательствъ, и поэтому мы можетъ допустить, что они находились въ комнатахъ низкаго зданія на первомъ дворѣ, или даже въ королевскихъ, когда король отсутствовалъ. Надо полагать, что узники пользовались полной свободой, гуляли съ своими святами и товарищами по великолѣпнымъ корридорамъ и галереямъ. Навѣрное можно предположить, что они содержались не хуже, чѣмъ князя Шуйскіе, увезенные одновременно въ плѣнъ, послѣ которыхъ однако же имѣются живые слѣды, что они получали отъ королевской четы въ Гостынинѣ драгоценныя одежды и разные подарки. Очевидно, имъ жило тамъ хорошо, если Иванъ Шуйскій, пере-

жившій свою неволю, долгое время не хотѣлъ возвращаться въ Москву, несмотря на то, что въ Кремлѣ усиленно хлопотали о его возвращеніи. Такимъ образомъ и Филарету должно быть жилось не хуже его, съ точки зрѣнія матеріальной, о нравственной же, конечно, трудно что-либо сказать.

II.

Несчастія всей семьи пошли отъ Бориса Годунова. Одинъ изъ Романовыхъ былъ отцомъ Анастасіи, первой жены Іоанна Грознаго, и ея брата Никиты, отца митрополита; по этому, родство Федора Никитича съ царскимъ домомъ являлось причиной всякихъ опасеній Годунова относительно претендентовъ на царскій престолъ, такъ какъ поводомъ для волненій на Москвѣ служила борьба за скипетръ трехъ боярскихъ родовъ родственными настоящему Димитрію, а слѣдовательно, имѣющими всѣ права на правленіе, — т. е., Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ. Торжество Годунова ускорило развязку борьбы, потому что его противники не могли примириться съ мыслью, что на московскій престолъ возсядетъ татарскій потомокъ, обойдя ихъ. Возможно, что и первый самозванецъ былъ подставленъ нѣкоторыми боярами, врагами Годунова. Въ 1610—11 годахъ Василій Голицынъ тоже стремился дать шахъ Сигизмунду вторымъ самозванцемъ, впустить послѣдняго въ столицу, — съ цѣлю потомъ низвергнуть — и, можетъ быть, самому сѣсть на престолъ. Отважность, предприимчивость или сила характера видны въ каждомъ шагѣ Василя Шуйскаго, только одни Шуйскіе противились Годунову, даже дѣлали заговоръ противъ него. Самъ Годуновъ неоднократно обвинялъ бояръ, что самозванецъ былъ подставленъ ими, съ цѣлю обманомъ и бунтомъ низвергнуть его съ престола. Наконецъ, Шуйскіе были одинаково враждебно настроены, какъ противъ Годуновыхъ, такъ и противъ Романовыхъ; они тайно звали королевича Владислава въ Москву. Фактъ этотъ мы затрогиваемъ вслѣдствіе того, что современный бытописатель К. Бассовъ доказываетъ, что поляки признались ему, будто первый Самозванецъ былъ настоящимъ сыномъ Стефана Баторія, а Гришка Отрепьевъ — только его наставникомъ, — что совсѣмъ невѣроятно и похоже на сказку. Одно лишь справедливо, что, благодаря Рѣчи Посполитой и поддержкѣ нѣсколькихъ магнатовъ, самозванецъ сдѣлался историческою личностью, съ которымъ

папа входилъ, черезъ своего нунція, въ переговоры, послѣдствіемъ чего у Лжедмитрія явились латинско-церковныя тенденціи и симпатіи къ западной цивилизаціи, къ Польшѣ.

Годуновъ, лишенный возможности спокойно проявлять свою власть вслѣдствіе убійства настоящаго Дмитрія, сослалъ въ Сибирь Романовыхъ въ 1601 году; изъ нихъ нѣкоторые умерли въ изгнаніи въ Перми. Способнѣйшій изъ нихъ Ѳедоръ Никитичъ былъ запертъ въ Сейскій монастырь и постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета, а жена его, урожденная Шестова и молодой Михайль—отправлены на Бѣлое Озеро. Только смерть Годунова и прибытіе перваго самозванца въ Кремль возвратили имъ свободу, послѣ чего Филаретъ, какъ близкій родственникъ, былъ возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Въ Ростовѣ же онъ дождался паденія Шуйскихъ и пришествія второго самозванца...

Когда король Сигизмундъ натягивалъ всѣ струны съ цѣлюю приобрѣсти регентство въ Москвѣ и обезпечить московскій престолъ за Владиславомъ, Филаретъ поставилъ ему въ условіе переходъ молодого королевича въ православіе, какъ политическій догматъ, который онъ защищалъ, быть можетъ, не съ такимъ усердіемъ, какъ патріархъ Гермогенъ, но все же съ неменьшей настойчивостью.

Онъ не отличался своимъ положеніемъ отъ другихъ агитаторовъ въ моменты выступленія противъ королевской политики точно также являлся ярымъ врагомъ сторонниковъ Сигизмунда, ненавидѣлъ западно-латинскую жизнь и такимъ остался до конца жизни, въ особенности, по возвращеніи изъ плѣна, когда получилъ вліяніе на политическія и церковныя дѣла въ Кремлѣ.

Воспитанный въ церковной школѣ византійскихъ традицій, въ которой свѣтскій авторитетъ и монаршая власть стояли выше духовной, онъ умѣлъ, однако же, защищать въ минуты опасности обѣ идеи. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ однимъ изъ выдающихся противниковъ латинизма.

Что у короля Сигизмунда были важныя причины для неудовольствія на митрополита—это понятно: Филаретъ не только не соглашался на королевскія предложенія, но даже игнорировалъ ихъ, что доказывается преніями, которыя велись комиссарами обѣихъ сторонъ подъ Смоленскомъ въ 1616 году. Тогда шелъ разговоръ не только о заключеніи мира, но и объ освобожденіи Филарета съ его товарищами изъ неволи. Комиссія эта не имѣла успѣха, такъ какъ обѣ стороны не сошлись въ условіяхъ.

Польскіе комиссары показали противникамъ „собственноручныя письма патріарха московскаго, что черезъ десять недѣль послѣ присяги королевичу, по соглашенію съ Филаретомъ, этотъ послѣдній, ради возведенія на престолъ сына Михаила, разсылалъ тайныя письма въ замки, чтобы оттуда шель народъ удалять изъ столицы людей его королевскаго величества“... Показали и то,—пишутъ комиссары,—что „Филареть и Голицынъ, посланные къ королевичу, фальшиво въ своемъ посольствѣ поступали, наружно,—они королевича на престолъ приглашали, а тайно въ замки письма рассылали и людей бунтовали“. Вскорѣ по отъѣздѣ этихъ пословъ изъ столицы, поступокъ Филарета открылся благодаря его родственнику Федору Погожеву, который былъ заключенъ въ острогъ и тамъ показалъ, что Филареть фальшиво принялъ это посольство, съ цѣлю повредить королевичу и возвеличить своего сына Михаила. Голицынъ же сносился въ Калугѣ съ самозванцемъ, чтобы помѣшать Владиславу, а Лжедмитрія посадить на престолъ, а потомъ убить его. Послѣ сего къ столицѣ восемьдесятъ тысячъ людей подступило“ 1)...

Мы не ручаемся, такъ ли въ сущности было, какъ утверждали поляки, такъ какъ сомнѣваемся, чтобы Филареть думалъ въ это время о возведеніи своего сына на престолъ; признаніе же Погожева тоже едва-ли заслуживаетъ довѣрія, хотя, съ другой стороны, наслѣдованіе престола, естественнымъ теченіемъ событій, само собою клонилась въ пользу малолѣтняго Романова, имѣвшаго всѣ права на корону, послѣ Шуйскихъ и Годуновыхъ. Объ этомъ было извѣстно на королевскомъ дворѣ,—чего собственно и опасались, и поэтому упрямство Филарета очень раздражало поляковъ.

Въ моментъ, когда всѣ плѣнные шли по дорогѣ на Литву, жена Филарета Марѳа, съ сыномъ Михайломъ, сидѣла запершись въ Кремль съ боярами и поляками, И. Сапѣгой, М. Струсемъ, Будилей, Стравинскимъ и др.; она смотрѣла съ высокихъ каменныхъ теремовъ на борьбу польскаго гарнизона со всеобщимъ ополченіемъ и на подходившія къ воротамъ и башнямъ полчища Минина и Пожарскаго. Когда гарнизонъ былъ взятъ голодомъ, Марѳа вышла съ сыномъ, а вслѣдъ за нею—всѣ поляки и литвины, которые были взяты въ плѣнъ.

А между тѣмъ Филареть со свитой подвигался къ Варшавѣ. Кромѣ Томилы Луговскаго,—кажется дьяка, точнѣе, секретаря плѣннаго посольства, Филарета окружали: Данило Мезецкій, дьякъ

1) «Сборн. ист. матерьяловъ», Кіевъ, 1890 г.

Иванъ Грамотинъ, Борисъ Ивановичъ Пушкинъ, Богданъ Матвѣвичъ Глѣбовъ, Андрей Ивановичъ Баскаковъ, Иванъ Гавриловичъ Коробинъ, Борисъ Бартепевъ, Антонъ Лагосткинъ, Оома Квашнинъ и Василій Павловъ. Вѣроятно, они сопудствовали ему и въ Мариенбургъ, хотя двое изъ нихъ ухитрились бѣжать въ Москву. Въ это же время молодой Михаилъ былъ избранъ на царскій престолъ, несмотря на то, что его мать, боясь за жизнь своего сына, сначала не хотѣла и слышать объ избраніи. Видя измѣну вѣрности и присягѣ по отношенію къ прежнимъ монархамъ, бунты и убійства, она не хотѣла жертвовать единственнымъ сыномъ и бросать его на произволъ событій, а тѣмъ больше боялась, чтобы это избраніе не ухудшило положенія ея мужа, бывшаго плѣнникомъ короля Сигизмунда...

Въ концѣ концовъ, она согласилась, въ надеждѣ на то, что въ предстоящемъ заключеніи мирнаго договора произойдетъ обмѣнъ плѣнныхъ на захваченныхъ въ Кремлѣ, и что всякія условія будутъ зависѣть отъ территоріальныхъ уступокъ, о которыхъ Рѣчь Посполитая давно уже мечтала. Кромѣ того, въ зависимости отъ событій, вступленіе на тронъ молодого Романова могло ускорить освобожденіе ея мужа...

III.

Что Филаретъ содержался въ польскомъ плѣну съ надлежащимъ ему уваженіемъ, на это имѣется много данныхъ. Ему не запрещалось писать письма въ Россію. Въ октябрѣ 1613 года, жена его Мареа Ивановна прислала ему соболью шубу и другія одежды; затѣмъ возобновляла эти посылки. Великая потеря для исторіи, что по сіе время не удалось разыскать корреспонденцію, которая велась въ теченіе восьмилѣтняго плѣна между Филаретомъ и Федоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, хотя извѣстно, что корреспонденція эта находилась когда-то въ архивѣ князей Шереметевыхъ. Въ 1613 году, на выборномъ конгрессѣ, письмо митрополита читалось въ Кремлѣ. Матеріалъ признанъ настолько важнымъ, что прежде, чѣмъ онъ не разыщется, мы не можемъ обсуждать интересующую насъ эпоху. Однако же странно, что не найденъ до сихъ поръ даже совѣщательный протоколъ объ избраніи Михаила Федоровича на царство, хотя есть данныя, что онъ находился въ документахъ Шереметевыхъ. Что касается князей Шуйскихъ, то о нихъ сохранился весьма краснорѣчивый документъ, ясно свидѣтельствующій, что король Сигизмундъ очень милостиво и ласково

обходился съ плѣнными, даже съ такими,—какъ напримѣръ царь Василій,—которые жестоко обидѣли его. Царю Василю король даритъ подъ Смоленскомъ образъ—складень, имѣющій съ одной стороны изображеніе Богородицы, а съ другой—святыхъ угодниковъ. Складень украшенъ серебромъ и мѣдью. Затѣмъ даритъ лагерь съ червонцами и талерами и, кромѣ того, широкія одежды, вышитыя золотомъ; одинъ пурпурный бархатный кафтанъ, другой голубой, адамасковый; одну шапку изъ черныхъ лисицъ, другую изъ вишневаго сукна, подбитую лисицей двѣ шубы, еще кафтаны и всевозможныя постельныя принадлежности.

Затѣмъ, великій канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, подарилъ серебряную вызолоченную ложку; другую, болѣе скромную, подарилъ Балабанъ, потому что посуда, которая была у низвергнутаго съ престола монарха, состояла изъ цинка, олова и мѣди. Князь Дмитрій Шуйскій получилъ отъ Сигизмунда разныя одежды, крытыя бархатомъ, и кафтанъ зеленого атласа, а княгиню обдарила гетманша Жолкѣвская разными золотыми браслетками съ брилліантами и рубинами, шапкой чернаго бархата на пуху съ золотыми запястями, какъ это видно изъ инвентаря вещей, оставшихся послѣ плѣнныхъ въ Гостынинѣ, вѣроятно, не обнимающій всѣхъ подарковъ, какими королевскій дворъ старался усладить жизнь изгнанниковъ въ неволѣ.

Нѣтъ данныхъ допустить, чтобы товарищъ Василя Голицына очутился въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ были другіе; напротивъ, даже высылка его въ великолѣпный Маріенбургскій замокъ наводитъ на мысль, что человѣку, занимающему высокое духовное положеніе, отведена была наилучшая резиденція, какія въ то время имѣлись въ распоряженіи Рѣчи Посполитой, что дѣлается болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе провозглашеніе его сына наслѣдникомъ Іоанна Грознаго, Годунова и Шуйскаго.

Впрочемъ, въ Варшавѣ уже пытали надежду на заключеніе мира съ сосѣднимъ государствомъ: тогда насталъ бы моментъ освобожденія Филарета, посредствомъ выкупа его съ помощью обширныхъ территоріальныхъ концессій. Но въ Москвѣ, несмотря на вступленіе на престолъ Михаила Феодоровича, нисколько не смѣшили. Собственно, мысль объ освобожденіи митрополита и его товарищей изъ плѣна была предметомъ обсужденій съ обѣихъ сторонъ, которыя начались съ 1615 года; но затрудненія для достиженія цѣли были чрезвычайно велики, а воспоминанія о событіяхъ—еще очень свѣжи, чтобы можно было надѣяться на скорое успокоеніе и устраненіе тѣхъ неудовольствій, которыя вызвали обостренныя отношенія при Іоаннѣ Грозномъ...

Какъ извѣстно, въ началѣ 1615 года въ Варшаву явился посолъ отъ боярѣ, а не отъ царя, не признававшася ни Польшей, ни Швеціей, грозившей то же войною. Посломъ этимъ былъ Ѳеодоръ Григорьевичъ Желябускій. Грамата, которую онъ представилъ, была подписана одиннадцатью боярами и восемью окольными. Очевидно, прибытіе посла имѣло цѣлью не только начать переговоры, но и ориентироваться на мѣстѣ относительно условій, какія Рѣчь Посполитая намѣревалась продиктовать, какъ равно и видѣться съ Филаретомъ, выписаннымъ въ польскую столицу въ виду предстоящихъ трактатовъ.

Положеніе явилось весьма щекотливымъ, но намъ не извѣстно, какъ въ Кремлѣ принимали это положеніе, серьезно или хладнокровно, несмотря на горячія письма и указанія, какими былъ снабженъ Желябускій.

„Великій Государь, сынъ Вашъ приказалъ Васъ, великаго государя, о здоровьи спросити; что касается своего здоровья, приказалъ сказать, что Вашими святыми отеческими, и матеря нашей монахини, Великой Государыни, молитвами на нашемъ великомъ и славномъ государствѣ живемъ, только печалуемся и болѣемъ, что вашихъ благочестивыхъ отцовскихъ очей не можемъ узрѣть. Молимся милосердному Богу, мыслимъ о томъ, какъ бы ваше пресвященство изъ этой неволи освободить“...

Такъ долженъ былъ сказать посолъ свою рѣчь, если бѣ увидѣлся съ митрополитомъ въ Варшавѣ или гдѣ онъ находился. Кромѣ того, собственноручное письмо царя къ отцу, украшенное обыкновеннымъ вступленіемъ въ церковно-оріентальномъ стилѣ, придающемъ ему особенный характеръ, — заключало въ себѣ такое же привѣтствіе и объясненіе, понятное съ точки зрѣнія особеннаго стеченія обстоятельствъ. Надо полагать, что посолъ имѣлъ возможность, при отдачѣ письма, видѣться съ лицомъ, могущимъ дать полезныя наставленія относительно начинавшихся переговоровъ, хотя трудно было допустить, чтобы это свиданіе состоялось безъ свидѣтелей.

Письмо начиналось слѣдующими словами:

„Къ Великому, въ Троицѣ Святой прославленному Богу нашему, великимъ благочестивымъ достоинствомъ почтеннаго и украшеннаго и нашего христіанскаго народа истиннаго учителя, возносящаго моленья къ Богу о спасеніи нашемъ, наказующаго словами овецъ Христовыхъ, защитника и мученика за святую церковь христіанскую и крѣпкій оплотъ православія, пользующагося милою жизнью на землѣ (?) и будущаго жителя небеснаго рая, найвысшаго, най-

старшаго въ святомъ достоинствѣ, великаго Государя Отца Своего митрополита Филарета Никитича, Божією милостію и Его сильной и непобѣдимой длани держателя скипетра великаго царства Россійскаго, на страхъ врагамъ, на славу добродѣтелей, Сынъ Твой преславнаго отечества, Михаилъ, Божією милостію царь и великій князь, самодержецъ Всея Руси, земно кланяется, прикасаясь къ благочестивымъ стопамъ Твоимъ, со слезами прося благословенія“...

Далѣе въ письмѣ говорится, что бояре и окольнічіе просили царя и т. д. позволить имъ снестись съ Сигизмундомъ по вопросу о мирѣ. „А предъ тѣмъ—говорится въ письмѣ,—мы посылали вамъ черезъ духовнаго Ефрема и слугу нашего нѣсколько необходимыхъ вещей; въ то же время писалъ къ своимъ Николай Струсь (т. е., на родину, въ Польшу), чтобы вамъ послали, что нужно, такъ какъ мы все изъ казны, что онъ требовалъ, выдать приказали“ и т. д..

Митрополиты, епископы и др. пишутъ особо къ обоимъ великимъ посламъ въ Варшаву, характеризуя слѣдующимъ образомъ послѣднія событія:

„Вы пошли по приказу патриарха Гермогена и васъ всѣхъ къ королю Сигизмунду совѣщаться о великихъ дѣлахъ, а король присягѣ гетманской измѣнилъ и васъ всѣхъ по тюрьмамъ поразослалъ. То, зачѣмъ вы были посланы, давно уже прошло и нынѣ, Божією милостію, избранъ на престолъ царь Михаилъ. А вы, господа, не теряйте присутствія духа въ неволѣ и надѣйтесь на Бога, ибо царь нашъ не забываетъ о васъ и думаетъ, какъ освободить. Онъ соизволилъ на посылъ пословъ съглашенія ради съ поляками относительно мира,—обмѣна плѣнныхъ и освобожденія Васъ“¹⁾...

Кромѣ, какъ бы официальныхъ, поклоновъ посольствъ привезъ привѣты и поздравленія отъ жены Филарета, монахини Марѣы, отъ высшаго духовенства, отъ всей боярской Думы и наконецъ отъ царя: одновременно съ симъ привѣтствовали Вас. Вас. Голицына и всю свиту нарочно составленнымъ и выписаннымъ вѣжливымъ оборотомъ словъ, какъ на примѣръ:

„Служба Ваша, желанія и терпѣніе Намъ извѣстны; Мы, Великій Государь, думаемъ о томъ, какъ васъ освободить“...

Желябускій засталъ Филарета въ Варшавѣ, въ домѣ канцлера литовскаго, Льва Сапѣги; ему, согласно тогдашнему обычаю и по-

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. IV, стр. 12.—126.

нятіямъ, было предоставлено право выкупа, какъ военно-плѣннаго и дозволено видѣться съ митрополитомъ при свидѣтеляхъ. Филаретъ, прочитавъ царское письмо, спросилъ посла:

— Милостивъ ли Господь къ моему сыну?

Посолъ отвѣтилъ, что слѣдовало, а затѣмъ узникъ обратился ко всей посольской свитѣ со словомъ порицанія, что его сына избрали царемъ.

— Хорошо ли вы сдѣлали, что послали меня отъ имени всего Московскаго государства съ инструкціями къ королю Сигизмунду? Я откровенно поступалъ до сего времени, а вы посадили на престолъ московскій моего сына Михаила Ѳедоровича и поэтому провинились передо мною... Если вы хотѣли избрать царя на Московское Государство, то могли избрать кого угодно, кромѣ моего сына, а вы сдѣлали это тайно отъ меня и я не зналъ о томъ...

Узника беспокоили двѣ вещи: во-первыхъ, что при свиданіи съ посломъ присутствовали сенаторы, вельможи, Левъ Сапѣга и другіе; вслѣдствіе этого онъ старался отклонить отъ себя подозрѣніе, что онъ якобы затруднялъ переговоры о королевичѣ Владиславѣ подъ Смоленскомъ съ цѣлью проторить своему сыну путь ко все-россійскому престолу; во-вторыхъ, на самомъ дѣлѣ могло казаться, что вслѣдствіе этой комбинаціи, освобожденіе его изъ плѣна встрѣтится съ осложнениями, ибо Рѣчь Посполитая, имѣя въ своихъ рукахъ такого, какъ онъ, заложника, поставитъ невозможныя условія, будетъ держаться ихъ и приобрѣтетъ всякія политическія концессіи, какихъ она только пожелаетъ.

Подозрѣнія эти много выиграли на силѣ и правдѣ съ того времени, когда Михаила провозгласили царемъ. Такимъ образомъ мы можемъ себѣ объяснить не только приведенную нами выше рѣчь, но и согласованный съ нею отвѣтъ московскаго посла, которые являлись предумышленною ими манифестаціей.

— Провозглашеніе царемъ Михаила нисколько бы не устранило избраніе его, еслибъ ты самъ, великій государь, присутствовалъ въ Москвѣ, ибо оно свершилось по волѣ Божьей, а не по желанію твоего сына... отвѣтилъ Желябускій.

— Ты доказываешь, что сынъ мой былъ избранъ монархомъ исключительно по волѣ Божьей и по вашему принужденію, а не по собственному желанію? спросилъ Филаретъ; при чемъ обратился къ Льву Сапѣгѣ и прибавилъ:—Что могъ сдѣлать мой сынъ? Онъ остался послѣ меня шестнадцать лѣтъ, безъ родни. Изъ всѣхъ насъ остались только я и мой братъ Иванъ Никитичъ, живущій въ Москвѣ...

Намъ извѣстно, какое положеніе занималъ королевскій совѣтъ, добивавшійся удовлетворенія касательно правъ Владислава на корону; поэтому Сапѣга рѣзко отвѣтилъ:

— Твоего сына посадили на престолъ донскіе казаки!..

— Что вы говорите, господинъ канцлеръ?—отвѣчилъ Желябускій,—Все случилось по волѣ Всевышняго и Божескому попущенію. Господь внушилъ Духомъ Святымъ нашему народу...

Сапѣга промолчалъ; ни варшавскій дворъ, ни шведскій король Густавъ-Адольфъ царя не признавали...

Аудіенція кончилась обыкновеннымъ челобитьемъ и поклонами посла, послѣ чего Филаретъ далъ Сапѣгѣ прочесть письмо, написанное имъ въ Москву. Что касается отсутствія Василія Голицына, то канцлеръ Сапѣга объяснилъ, что онъ остался въ Мариенбургскомъ замкѣ (можетъ быть вслѣдствіе болѣзни), а Михаилъ Шейнъ съ женою и дочерью живутъ въ имѣніи Сапѣги, Рожанѣ, на Литвѣ, гдѣ ихъ посолъ могъ посѣтить при возвращеніи въ Москву; а молодой Шейнъ, сынъ смоленскаго богатыря, находится въ Варшавѣ. На вопросъ относительно здоровья князя Голицына, Филаретъ отвѣтилъ:

— Не знаю, живъ ли бояринъ Василій, такъ какъ я давно не видался съ нимъ.

Очевидно, старый Голицынъ былъ слабаго здоровья, и онъ не дохалъ до своего отечества: онъ умеръ по дорогѣ, въ г. Вильнѣ, спустя четыре года. Вѣроятно, по слабости здоровья не пріѣхалъ въ Варшаву, куда хотѣли собрать важнѣйшихъ плѣнныхъ, чтобы, въ случаѣ благополучныхъ переговоровъ о мирѣ, немедленно выдать ихъ прибывшимъ посламъ.

Кромѣ Льва Сапѣги, при разговорѣ присутствовалъ Николай Олесницкій, кастелянъ Мологоскій, арестованный въ свое время Васиіемъ Шуйскимъ. Филаретъ обратился къ нему:

— Царь Борисъ обозлился на всѣхъ насъ: меня сослалъ въ монастырь, трехъ моихъ братьевъ уморилъ голодомъ и подушилъ и теперь у меня остался только одинъ братъ, Иванъ Никитичъ...

— Почему Годуновъ сдѣлалъ это? спросилъ Олесницкій Сапѣгу.

— Потому что боялся, чтобы не посадили кого-либо изъ нихъ на московскій престолъ,—отвѣтилъ послѣдній,—такъ какъ они были великіе люди и близкіе царю Ѳедору!..

Тѣмъ кончилась аудіенція. Заключение мира, а слѣдовательно и освобожденіе плѣнныхъ должно было состояться въ томъ же году на смоленской границѣ, да и то съ помощью посредника, посла

отъ нѣмецкаго короля. Но мы знаемъ, что къ этому соглашенію пришли только черезъ четыре года, въ продолженіе которыхъ плѣнные обѣихъ сторонъ находились въ неволѣ.

IV.

Болѣе чѣмъ въ два года, военная драма въ Кремлѣ была разыграна, польско-литовскій гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ и Москва очищена. 25-го октября (по старому стилю) 1613 года открылись ворота вооруженнаго Кремля, поляки сложили оружіе и были загнаны въ таборы всеобщаго ополченія Минина и Пожарскаго: Николу Струси заперли въ Чудовомъ монастырѣ, а его полкъ отданъ казакамъ. Хорунжаго мовырскаго, Будиллу, съ остаткомъ солдатъ Сацѣга, взялъ князь Пожарскій, а многихъ, вопреки мирному договору, побили войска. Плѣнные были розсланы по городамъ,—въ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Галичъ, Бѣлоозерскъ и Вологду,—и поразсажены въ сырые и темные казематы. Очевидно, состояніе ихъ тамъ было достойно сожалѣнія, такъ какъ узники писали оттуда,—по собственному ли наитію или по внушенію царскихъ слугъ,—слезныя письма въ Варшаву съ просьбами освободить ихъ. Николай Струсь послалъ слѣдующее письмо къ королю Сигизмунду.

„Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій король и государь мой! Сидя въ темномъ, тяжеломъ казематѣ, мы утѣшаемъ себя милосердіемъ Бога и Твоимъ, Король и Государь нашъ, и преклоняемся предъ Твоимъ величествомъ! Сжальтесь надъ нами, ваше величество, вспомните о нашей вѣрной службѣ и освободите насъ изъ плѣна. Господь не пожелалъ утѣшить насъ отстояніемъ мѣста Твоего; но да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что это случилось не по нашей винѣ и что не враги насъ побѣдили, а ужасный голодъ, лишившій насъ силы и предавшій въ руки непріятеля. Десять недѣль мы ждали отъ Бога и братьи нашей помилованія, но не дождались. Мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ несчастнѣе насъ, страдающихъ за вѣрную службу въ тюрьмѣ. Челомъ бью Вашему Величеству отъ имени всѣхъ братьевъ моихъ, страдающихъ въ узахъ вмѣстѣ со мною, сжался надъ нами и пришли пословъ за нами. А если не смилуешься, то мы всѣ погубнемъ здѣсь. Помилуй насъ, Милостивый Государь! и мы вѣчно будемъ молиться за Твое здорovie“¹⁾.

¹⁾ «Собр. госуд. грамотъ» т. III, стр. 38-я.

Вѣроятно еще хуже было съ литвинами, увезенными въ глубину края; они еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ ожидали освобожденія, лишенные всякихъ извѣстій съ родины, хотя со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича положеніе ихъ значительно улучшилось. Это видно изъ ихъ письма. Какимъ образомъ оно дошло до Варшавы и попало въ руки короля—неизвѣстно; но надо предполагать, что въ Кремлѣ были желательны таковыя напоминанія съ цѣлю скорѣйшаго освобожденія своихъ узниковъ, Филарета и Голицына.

Подобное же письмо получилъ гетманъ литовскій И. К. Ходкевичъ изъ Нижняго-Новгорода отъ литвиновъ, схваченныхъ въ Кремлѣ, писанное въ концѣ сентября 1614 года ¹⁾.

„Милостивый Государь, Господинъ гетманъ.

„Тяжело намъ было сидѣть при осадѣ Москвы и кровью своею защищать Его Королевское Величество, но нынѣ намъ тяжело, потому что мы, служившіе вѣрой и правдой королю, не видѣли сожалѣнія. Мы ждали отъ Его Величества освобожденія и писали ему о томъ не разъ, какъ и къ Вашей милости. Нынѣ же, вслѣдствіе просьбъ нашихъ, по милости Государя Михаила, посылаемъ г. Радвана отнести наши кровавыя слезы къ Его Величеству и къ Вамъ. Просимъ Васъ внять нашимъ просьбамъ и помочь въ нашемъ несчастіи. Господарь московскій не возьметъ за насъ ни золота, ни серебра, ни городовъ, а только людей своихъ, находящихся въ королевствѣ Его Величества, Филарета и Голицына съ ихъ товарищами, отъ которыхъ Его Величеству нѣтъ никакой пользы. Слезно просимъ Вашего ходатайства и донесенія нашихъ просьбъ Его Королевскому Величеству освободить насъ взаимно ихъ. Живемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ спокойно и пользуемся достаточнымъ содержаніемъ по милости Государя. Царь и Великій князь Михаилъ посылаетъ къ Его Величеству своего посла для оповѣщенія о своемъ вступленіи на московскій престолъ и о иныхъ дѣлахъ; поэтому униженно просимъ Васъ исходатайствовать у Его Величества Короля прислать пропускъ для сего посланца“.

Подписали: Іосифъ Будилло (хорунжій Мозырскій), Эразмъ Стравинскій (конюшій Троицкій), Андрей Телефусъ и нѣсколько другихъ. „Нижній-Новгородъ, 30-го сентября 1614 года“.

Но и эти литвинцы, сосланные въ отдаленныя губерніи и ожидающіе съ величающею жадностью момента возвращенія ихъ въ

¹⁾ «Археограф. Сборн. докум. къ исторіи Сѣверо-Западной Россіи». Вильна, 1867 г., т. IV. стр. 75.

свое отечество къ женамъ и семьямъ, вѣроятно, не знали тогда, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока настанетъ часъ обмѣна плѣнныхъ и, одновременно, смягченія—хотя и временнаго—жесточкой военной борьбы. Потребовалось составить новую кампанію, чтобы принудить противника къ мирнымъ переговорамъ, очевидно, корыстнымъ, если задержка такого важнаго плѣннаго нисколько не перетягивала вѣсовъ той корысти, которую ожидала и имѣла право ожидать Рѣчь Посполитая.

Московская экспедиція королевича Владислава въ 1617 году вызвана была тяжелою необходимостью для Польши: ей грозила война со стороны Турціи, находившейся въ тѣсной связи съ политикой кремлевскихъ бояръ; поэтому Польшѣ предстояло имѣть дѣло съ двумя врагами.

Въ іюнѣ 1618 года король Сигизмундъ III понуждалъ своихъ комиссаровъ заключить болѣе продолжительное перемиріе съ Москвою, при условіи, чтобы Сѣверщина осталась при Польшѣ. Онъ не видѣлъ способа, какъ далѣе вести войну, не только „вслѣдствіе учиненной на прошломъ сеймѣ деклараціи Всѣхъ Чиновъ“, но и въ виду подвигавшихся къ Подоліи турецкихъ войскъ. При томъ Рѣчь Посполитая находилась въ затрудненіи относительно выдачи жалованья солдатамъ ¹⁾).

Несмотря на это—что весьма странно—король съ грустью принялъ извѣстіе о заключеніи перемирія „Мы не могли безъ сожалѣнія слышать, — пишетъ онъ, — что вы такъ поспѣшно приступили къ переговорамъ, не донесши намъ о томъ Изъ этого Мы видимъ не славу, а позоръ для Рѣчи Посполитой, ибо она понесла громадныя убытки задаромъ въ борьбѣ съ неприятелемъ, который былъ не только безсиленъ, но и не питалъ никакой надежды на побѣду и т. д. Но это ужъ придется поручить Господу Богу, Который хотѣлъ поступкомъ такимъ покарать Рѣчь Посполитую“...

Въ сущности, положеніе польско-литовскихъ войскъ было гораздо хуже, чѣмъ это казалось изъ варшавскаго замка. Поэтому королевское письмо, очевидно написанное въ моментъ раздражительности, кажется неосновательнымъ. Не оплаченные войска, сильные морозы и состояніе дорогъ (что и самъ король признаетъ въ своемъ письмѣ) заставляли отказаться отъ всякихъ на-

¹⁾ „Подлин. свидѣт., Муханова, 1834 г. Письма Сигизмунда III“.

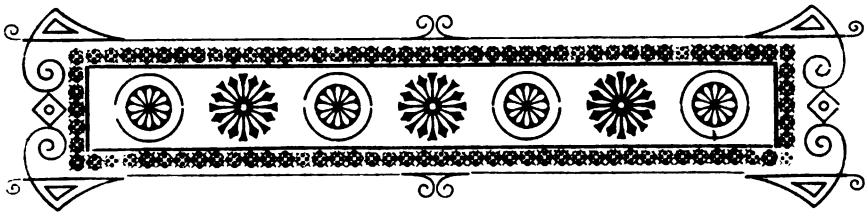
деждъ и корысти, „ибо не только лошадей и вещи, но и людей помороженныхъ мертвыми свалили“.

До полного мира не дошло, а только до перемирія о чемъ ужъ сказано выше; поэтому ограничимся тѣми обстоятельствами, которыя вызвали освобожденіе узниковъ и предстоявшій обмѣнъ плѣнныхъ.

Ф. В. Домбровский.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Маріенбургскій узникъ ¹⁾.

(Историческій очеркъ).

VI.

(Окончаніе).

Въ концѣ февраля 1619 года, тѣ же московскіе послы, которые подписывали перемиріе, выѣхали изъ Москвы, для приѣма плѣнныхъ въ обмѣнъ. 13-го марта прибылъ въ столицу польскій гонецъ съ оповѣщеніемъ, что польскіе паны доставятъ плѣнныхъ на границу въ назначенный срокъ. Этотъ же гонецъ, нѣмецъ, Андрей Рейгеръ, сообщилъ, что митрополитъ Филаретъ уже въ дорогѣ и находится въ Гроднѣ, куда онъ прибылъ 7-го февраля, а затѣмъ выѣхалъ въ Оршу ²⁾; что касается князя Василія Голицына, товарища Филарета въ посольствѣ подъ Смоленскъ, а затѣмъ и въ неволѣ, ново-прибывшій сообщилъ печальную вѣсть, что Голицынъ, не дождавшись возвращенія въ свое отечество, умеръ по дорогѣ изъ Маріенбурга въ городѣ Вильнѣ 25 января, гдѣ и погребенъ временно въ церкви Св. Духа. Въ виду этого, его тѣло должно было быть выданнымъ при обмѣнѣ плѣнныхъ противной сторонѣ, какъ наличность и доказательство его смерти.

Вообще, очевидно, на Литвѣ считались съ извѣстнымъ оттѣнкомъ характера узниковъ и дѣлали моральную разницу между одной и другой группой, какъ это само собою вытекало изъ обстоятельствъ. Поэтому канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, стоявшій за

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1908 г. ноябрь.

²⁾ По преданію, Филаретъ, во время неоднократныхъ посѣщеній Варшавы, содержался въ башнѣ св. Анны.

права королевича на царскую корону и шедшій противъ Михаила Феодоровича и Филарета,—пишетъ въ Вильно къ Евстафію Волтовичу, епископу виленскому, отъ 9-го февраля 1619 года:

„Что касается обмѣна плѣнныхъ, то они двоякаго рода: одни—*bello asserti*, другіе же съ послами Филаретомъ и Голицынымъ, не есть *mere* (настоящіе) узники. Тѣхъ бы, что *bello* есть *asserti*, одѣвъ въ суконныя одежды, отправить, а задержанныхъ съ лошадьми и всякими достатками, *pro honore et Majestate* Его Величества и народа нашего, слѣдовало бы отпустить болѣе опятно, возвративъ имъ лошадей, или давъ другихъ, и одежды не суконныя, а голубыя подѣлать. Здѣсь еще не слышно объ отправкѣ Филарета и время очень коротко, къ 25-му *Februarii* обѣщали мы доставить его на границу, надо бы, чтобы онъ, по крайности, написалъ къ своимъ, что онъ уже въ дорогѣ. Тѣло покойнаго Голицына похоронено здѣсь въ церкви Св. Духа, и я боюсь, чтобы за него не удержали какого-либо нашего важнаго плѣннаго. Если бы захотѣли возвратить это тѣло, то я не могу запрашивать“¹⁾...

Видно, кн. Василій Голицынъ отправленъ былъ изъ Мариенбурга раньше другихъ вслѣдствіе того, что онъ былъ очень боленъ. Какъ извѣстно, кромѣ поименованныхъ нами и ихъ свить, на Литвѣ находились еще—Иванъ Шуйскій, Юрій Трубецкой²⁾ и Салтыковы; но всѣ они рѣшительно объявили, что, несмотря на свободу и льготы, указанныя въ актѣ перемирія, въ Москву не возвратятся. Впрочемъ, за исключеніемъ Ивана Шуйскаго, который потомъ передумалъ и возвратился въ отечество, остальные остались вѣрными Вазамъ.

Рейгеръ, получивъ въ Москвѣ дальнѣйшія извѣстія изъ-за границы, донесъ, что Филаретъ доѣхалъ 6-го мая до Смоленска, послѣ чего прибылъ еще другой гонецъ отъ польскихъ пановъ, Андрей Сулимерскій, съ цѣлю опредѣленія послѣдняго дня и мѣста обмѣна плѣнныхъ. Многіе очень ошиблись бы, предположивъ, что обмѣнъ таковыхъ, какъ и военной добычи, могъ состояться очень легко и быстро. Прежде всего приходилось долго спорить, говорить и ссориться изъ-за мѣста сѣзда: бояре не соглашались сѣзжаться между Дорогобужемъ и Вязьмой, какъ хотѣли поляки, поэтому началась переписка между обѣими сторонами. Польскіе комиссары послали 22-го мая Яна Оборскаго, а потомъ Яна Куновскаго съ предложеніемъ встрѣчи неподалеку отъ Поляновскаго монастыря.

¹⁾ Архивъ дома Радзивилловъ. Краковъ. 1885 г., стр. 262.

²⁾ Баятышъ-Каменскій, „Чтеніе въ Имп. Общ. Ист. древн., гл. IV“. „Переписка между Росс. и Польшей“. часть III.

куда легко было стянуть всѣхъ плѣнныхъ, задержанныхъ въ настоящее время въ Дорогобужѣ. Кончилось однако тѣмъ, что пограничнымъ пунктомъ признана рѣчка Поляновка, на которую должны были прибыть делегаты обѣихъ сторонъ, съ эскортомъ до пятисотъ человѣкъ. Съ Московской стороны пріѣхали: Путило, Рязановъ, Неустрой Кувшиновъ, Первой Нероновъ; а отъ поляковъ: ротмистръ М. Воронежъ, Янъ Пасекъ и Андрей Оборскій...

На съѣздѣ этомъ опять представились затрудненія. При обмѣнѣ и провѣркѣ списковъ плѣнныхъ оказалась недостача нѣкоторыхъ поляковъ и литвиновъ изъ числа тѣхъ, которые были взяты семь лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе чего поляки потребовали внести въ договорный актъ еще нѣсколько пунктовъ, на которые москвичи, въ концѣ концовъ, и согласились. Дѣло шло о недостающихъ солдатахъ Яна Сапѣги или Струся. Польскіе плѣнные, сосланные въ отдаленныя мѣста Сибири, еще не успѣли прибыть: ихъ приходилось еще разыскивать и доставить на границу къ Двинѣ, въ устьѣ рѣки Марьовки, къ 10—20 сентября, гдѣ и вручить ихъ королевскимъ посламъ. Только теперь и можно было сдѣлать различныя поправки въ договорномъ актѣ, по выдачѣ же московскихъ людей было бы ужъ поздно.

Такимъ образомъ, долженъ былъ разыскаться и быть доставленнымъ на съѣздъ Андрей Корсаковъ, при чемъ ему предоставлялось право остаться въ Москвѣ или вернуться въ Польшу. Между прочимъ, должно было схватить въ Торопцѣ жену Ивана Мещеринова и выдать ее мужу, старостѣ невелискому, отъ котораго она вѣрно бѣжала, не желая перемѣнять вѣру. Подобные супружескіе споры на религіозной почвѣ въ тогдашнихъ отношеніяхъ.—когда унія искала прозелитовъ, — были не рѣдки. Наконецъ, слѣдовало назначить день, когда могутъ съѣхаться пограничные судьи съ цѣлью опредѣленія границъ и окончанія редакціи вышепомянутыхъ пунктовъ трактата. Что касается съѣзда пограничныхъ комиссаровъ, то этотъ послѣдній былъ назначенъ, согласно шестому параграфу мирнаго договора, на 10—20 сентября; но, въ виду непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, съѣздъ могъ быть отсроченъ до 10—20 октября того же года. Исходя изъ этого, прежде чѣмъ гг. судьи не пришли къ соглашенію, никто не могъ занимать спорныя пограничныя мѣстности: въ то же время, до сказаннаго послѣдняго срока, должны быть возвращены Литвѣ вывезенные въ послѣдніе мѣсяцы, вопреки договору, всѣ крестьяне изъ городовъ Невели, Себежа и др. вмѣстѣ съ взятыми въ городахъ пушками, аммуниціей и церковными колоколами...

Остальные параграфы договоров касались титуловъ, какими монархи должны были титуловаться, какъ равно пословъ, посланниковъ, гонцовъ, купцовъ и проч., о чемъ здѣсь нѣтъ нужды распространяться.

Между тѣмъ узники короля Сигизмунда и тѣло покойнаго кн. Василя Голицына, погребеннаго уже въ церкви Св. Духа, ожидали на границѣ въ Дорогобужѣ. Надъ гробомъ послѣдняго православный архимандритъ, Леонтій Карповичъ сказалъ по-польски почувствованную надгробную рѣчь.

До этого еще, московскіе уполномоченные, узнавъ, что Филаретъ приближается къ новымъ границамъ, послали къ нему гонца Андрея Усова съ слѣдующей инструкціей: Если литвины позволяютъ ему видѣться съ митрополитомъ безъ свидѣтелей, тогда онъ долженъ спросить его, можно ли рассчитывать на скорый обмѣнъ плѣнныхъ, не слѣдуетъ ли опасаться какой-либо провоочки и нѣтъ ли у литвиновъ какихъ-нибудь тайныхъ замысловъ и намѣреній?

Очевидно, существовало до послѣдней минуты обоюдное недоувѣріе, подозрительность и опасеніе обмана, а можетъ быть даже употребленіе послѣднихъ усилій отправки экспедиціи подъ стѣны Москвы. Собственно, недоувѣріе это было бы болѣе объяснимо съ литовской стороны, если вспомнить многократные опыты, пріобрѣтенные въ рядѣ кампаній Стефана Баторія и Сигизмунда, и традиціонную тактику непріятели; съ другой же стороны, нельзя забывать, что между литвинами находился Александръ Гонсѣвскій, который въ теченіе многихъ лѣтъ проникся извѣстнымъ методомъ, пользовался имъ за кордономъ, дѣлался все болѣе докучливымъ и можетъ быть зналъ лучше другихъ своихъ противниковъ. Правда, Усову удалось увидѣться съ митрополитомъ, тайно разговориться съ нимъ и услышать увѣреніе, что поляки искренно желаютъ исполнить условія, но это нисколько не помѣшало Гонсѣвскому грозно налечь въ послѣднія минуты на русскихъ и потребовать точнаго исполненія данныхъ обязательствъ. Благодаря этому, староста велижскій внесъ тогда на стѣздѣ:

„Бояре не сдерживаютъ условій; не всѣхъ литовскихъ плѣнныхъ доставили на условное мѣсто; въ Москвѣ, по боярскимъ домамъ и подземельямъ, сидитъ еще много посаженныхъ насиліемъ въ казематы; нѣкоторыхъ же бояре поразсылали въ свои имѣнія въ разныя стороны!.. Словомъ, бояре совершаютъ такое безправіе, какія не совершаются ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ: однихъ плѣнныхъ они пораздарили татарамъ, другихъ продали въ Персію или уступили ногайцамъ... Такъ ли поступаютъ христіане?“

Христіанъ выдали идолопоклонникамъ; держать по полтора ста чело-
вѣкъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ; принуждаютъ перейти въ пра-
вославіе и присягнуть царю! Взятыхъ же въ плѣнъ королевскихъ
людей военныхъ: нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, испанцевъ, гол-
ландцевъ и др. не хотятъ отдать въ обмѣнъ. Поэтому все должно
считаться нарушеніемъ польскаго договора“...

Само собою разумѣется, что упреки старосты велижскаго вы-
звали горячіе протесты и жалобы на неzasлуженныя заѣпки.
Былъ разговоръ о назначеніи сѣзда на 27-е мая, но москвичи
отказались, потому что количество военныхъ эскортеровъ, сопро-
вождающихъ пословъ, не было съ точностью опредѣлено. Даже самъ
Филаретъ возмущенъ замедленіемъ и поэтому жаловался дворя-
намъ, присланнымъ второй разъ отъ уполномоченныхъ, что сѣздъ
отложенъ изъ-за такой незначительной причины до 30-го мая.

Въ виду этого произошли новые споры подъ Дорогобужемъ.
Гонсѣвскій опять внесъ на сѣздѣ свои претензіи:

„Многихъ польскихъ и литовскихъ людей бояре превратили въ
холоповъ, силою перекрестили ихъ и даже поженили, а теперь
держатъ въ неволѣ. Напримѣръ, бояринъ, князь Пожарскій мно-
гихъ изъ этихъ людей разослалъ по своимъ имѣніямъ и держать
ихъ,—какъ доносятъ о томъ въ Смоленскъ,—закованныхъ въ цѣ-
пяхъ; отпущенные же были отосланы въ Москву, а оттуда — на
границу въ самые сильные морозы, нагіе, босые и голодомъ по-
моренные!“...

Весьма правдоподобно, что такъ въ дѣйствительности и было,
хотя бояре энергично опровергали упреки старосты и гово-
рили:

„Все, что ты говоришь—неправда; здѣсь же мы скажемъ истину
христіанскую: ничего подобнаго не случилось!“...

Послѣ этого литовскіе послы опять предложили новыя усло-
вія, чтобы дороги, какъ по сушѣ, такъ и по водѣ были свободны
около Брянска для польскихъ купцовъ съ пограничныхъ городовъ,
присоединенныхъ теперь къ Литвѣ. Казалось, что вновь предъ-
явленные условія должны были нарушить договоръ и отсрочить
обмѣнъ плѣнныхъ. Уполномоченные: Федоръ Ивановичъ Шере-
метевъ и его товарищи, Данило Ивановичъ Мезецкій и Артемій
Васильевичъ Измайловъ послали даже въ польскій обозъ чело-
вѣка объяснить Филарету, что, вслѣдствіе измѣнившася поло-
женія, его освобожденіе встрѣчаетъ затрудненія. Они спрашивали,
какъ прикажетъ поступить въ данномъ случаѣ отецъ государя:
вымѣнять ли его на Николая Струся и нѣкоторыхъ его товарищей,
а потомъ уже стараться объ освобожденіи остальныхъ?

— Только бы Господь дозволилъ мнѣ узрѣть сына моего, великаго царя и всѣхъ православныхъ христіанъ Московскаго государства!— произнесъ Филаретъ, но на вопросъ не отвѣтилъ. быть можетъ вслѣдствіе того, что при аудіенціи въ палаткѣ присутствовало нѣсколько человѣкъ литвиновъ. Онъ только спросилъ:—Имѣютъ ли бояре отъ моего сына какую-либо посылку?.. Если у нихъ есть собольи мѣха, то пусть мнѣ сегодня же пришлютъ, ибо я долженъ наградить тѣхъ поляковъ, которые берегли мое здорье“.

Присутствовавшій при этой сценѣ союзникъ, Томило Луговскій, подошелъ къ гонцу и сказалъ:

— Если бояре пришлютъ собольи мѣха, то пусть напишутъ на нихъ цѣну, наполовину меньшую правительственной, а мы ужъ здѣсь знаемъ, для чего они такъ должны поступить.

Цѣны на собольи мѣха были всегда преувеличены и служили, такъ сказать, предлогомъ для горячаго торга; но въ Польшѣ онѣ значительно понижались, поэтому подарокъ съ максимальной цѣной считался обманомъ; но въ Польшѣ ужъ привыкли къ тому, какъ это видно изъ замѣтокъ, найденныхъ нами въ разныхъ современныхъ запискахъ, такъ какъ собольи „сороки“ были обычнымъ польскимъ даромъ, сколько бы разъ ни появлялись послы изъ Москвы.

Бояре удовлетворили желаніе митрополита, выбрали семнадцать „сороковъ“, то есть, по сорокъ шкурокъ въ связкѣ, уменьшили цѣну наполовину и отослали Филарету.

Литовскіе комиссары, съ цѣлью достиженія вышеупомянутыхъ условій, послали къ московскимъ одного изъ своихъ людей съ угрозой, что если всѣ ихъ требованія не будутъ исполнены, то они не пойдутъ на конгрессъ и вернуться домой съ Филаретомъ. Послѣ этого, конечно, ничего не оставалось, какъ объявить новую войну. Но московскіе комиссары отвѣтили слѣдующее:

„Вы пріѣхали съ угрозами и насильно принуждаете насъ къ заключенію новыхъ условій! Но мы, вслѣдствіе царскаго приказа, ничего не можемъ сдѣлать и угрозъ не боимся! Войскъ у насъ достаточно, и они стоятъ ближе, чѣмъ ваши!“...

Однако же упрямство царскихъ пословъ имѣло свою слабую сторону, такъ какъ они получили приказъ не возвращаться въ Москву безъ Филарета, благодаря чему, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, они уступили, обѣщая согласиться на нѣкоторые пункты условій. Конные посланцы переносили изъ стана въ станъ вопросы и отвѣты, ибо только такимъ путемъ послы могли корреспондировать между собою, и не безъ основаній; такъ какъ столкновение

обѣихъ партій служило обыкновеннымъ предлогомъ къ новымъ недоразумѣніямъ; даже при такомъ родѣ корреспонденціи необходимо безъ колкостей... Въ сущности безъ нихъ и нельзя себѣ представить тогдашнихъ переговоровъ.

Въ свою очередь, Михайлъ Борисовичъ Шейнъ, извѣстный по оборонѣ Смоленска, увѣдомилъ Шереметева, чтобы онъ прислалъ къ нему вѣрнаго человѣка или родственника, Салтыкова или Морозова. Уполномоченные исполнили желаніе Шейна и послали въ обозъ литовскихъ пословъ подданнаго Морозовыхъ, нѣкоего Поздѣева-Вунка. Шейнъ приказалъ послѣднему объяснить комиссарамъ не медлить обмѣномъ плѣнныхъ; въ противномъ случаѣ, — приготовиться къ нарушенію всѣхъ договоровъ литовскими послами, а въ то же время быть осторожными и готовыми въ своемъ обозѣ къ войнѣ.

Какая была причина для этого предостереженія плѣннымъ — трудно объяснить; но, благодаря ему, комиссары испугались и согласились удовлетворить всѣ требованія поляковъ. Только такимъ образомъ дошли до обмѣна плѣнныхъ. Для этого была избрана пустынная мѣстность Ресочна, въ двухъ верстахъ отъ большого дорогобужскаго тракта, пересѣкаемая рѣчкой Поляновкой, и въ семнадцать верстахъ отъ г. Вязьмы.

Именно эта мѣстность и послужила обмѣномъ сторонамъ для совершенія скорѣйшаго обмѣна плѣнными, такъ какъ формальности для него продолжались уже почти три мѣсяца. Съ этою цѣлью чрезъ рѣчку Поляновку перекинули два мостика, по которымъ должны были переходить: съ одной стороны москвичи, а съ другой поляки. 1/10 іюня новаго стиля митрополитъ былъ доставленъ изъ обоза къ Поляновкѣ въ экипажѣ, за которымъ шли пѣшкомъ: Шейнъ, Луговскій, кн. Черкасскій-Барятинскій, дворяне и вся свита бывшаго посольства. По одному изъ мостовъ долженъ былъ пройти Филаретъ съ товарищами, а по другому—Струсъ со своими. Но митрополитъ, пріѣхавъ къ рѣчкѣ, послалъ къ комиссарамъ М. Воронца съ порученіемъ сказать имъ, чтобы пустить прежде него Н. Струся, безъ опасенія, оставшіеся же плѣнные должны быть пропускаемы согласно наказу.

И въ самомъ дѣлѣ поляки боялись, чтобы москвичи, получивъ царскаго отца, объ освобожденіи котораго больше всего хлопотали, не задержали польскаго ясыра, не подвели и не измѣнили. Въ этомъ отношеніи они были очень осторожны. Очевидно, того же боялись и царскіе комиссары и поэтому отвѣтили Воронцу:

— Никомъ образомъ мы не можемъ пустить Струся передъ великимъ государемъ Филаретомъ, а пересматривать по наказному списку, всѣ ли ваши люди на мѣстѣ, намъ нѣтъ времени... Уже смер-

кается, и скоро съ обѣихъ сторонъ начнемъ переправу. И безъ того дѣло затянется до поздней ночи. Мы вѣримъ вашимъ спискамъ; а если кого не достанетъ, то сейчасъ пришлемъ въ вашу обозъ.

Филаретъ второй разъ прислалъ сказать делегатамъ, чтобы они впередъ пустили Струся. Благодаря его настоянію они пропустили его, а въ то же время стали поджидать, вмѣстѣ съ стольниками, стряпчими и дворянами, маріенбургскаго узника.

Такимъ образомъ очутился первымъ на мосту герой Москвы и Кремля, и когда перешелъ его и сталъ на польскомъ берегу, тотчасъ пустили ¹⁾ экипажъ съ Филаретомъ. Какъ только Шейнъ, Луговскій, Барятинскій и др. показались на своемъ мосту, бояре приказали Будиллѣ и другимъ переходить черезъ второй. Перевезли также и тѣло Голицына...

Переѣхавъ мостъ, митрополитъ вышелъ изъ экипажа; Шереметевъ привѣтствовалъ его отъ имени царя и супруги митрополита. Спросивъ о здоровьи помянутыхъ лицъ, Филаретъ благословилъ Шереметева, послѣ котораго сказалъ свою рѣчь Мезецкій; Шейна же привѣтствовалъ комиссаръ Измайловъ, спрашивая о его здоровьи отъ имени монарха: остальныхъ же привѣтствовали дьяки.

Нельзя сказать, чтобы обоюдный возвратъ плѣнныхъ закончилъ споры, связанные съ спорными границами и обострившимися политическими отношеніями, потому что вопросъ о правѣ королевича Владислава на царскую корону и связанныхъ съ этимъ привиллегіяхъ титулованья по праву молодого царя Михаила Феодоровича—остался открытымъ. Это было только временное облегченіе. Въ виду только временнаго перемирія, вопросъ возбужденія жалобъ и возмездій былъ вопросомъ времени, и такъ несомнѣнно понимали обѣ стороны. Польша не могла рассчитывать на дружбу челоуѣка, продержаннаго семь лѣтъ въ неволѣ, который являлся представителемъ государственной идеи, за которую и страдалъ, совершенно правильно считаеый однимъ изъ столповъ государства. Его ожидалъ не занятый престолъ патрирші въ Москвѣ, ибо по смерти Гермогена (во время осады польскаго гарнизона) посаженъ былъ, по рекомендаціи Гонсѣвскаго и дружественныхъ Сигизмунду бояръ, патрирхъ Игнатій; но послѣдній долженъ былъ уйти въ Польшу, въ которой пребывалъ въ безопасности и не думалъ возвращаться въ Москву, да и не могъ.

Въ Вязьмѣ готовилась торжественная встрѣча достойнѣйшему духовнику. Тамъ ожидали его прибытія стольникъ Левъ Долматовъ-Карповъ и Иванъ Вилкинъ. Собственно было три встрѣчи, по

¹⁾ Слова поляка—ред.

придворному церемониалу, то есть: въ Можайскѣ, Вязьмѣ и Звенигородѣ. Въ царскомъ манифестѣ ясно говорится, какъ отецъ государя былъ провожаемъ литвинами до границы: „съ почести и уваженіемъ великимъ“¹⁾. Самая же торжественная встрѣча состоялась въ Москвѣ:

„Самъ государь встрѣтилъ его, выѣхавъ за пять верстъ за городъ и, сойдя съ коня, склонилъ главу свою къ его ногамъ. Такъ же и онъ до земли поклонился, и оба, лежа на землѣ, слезы радости проливали. Митрополитъ былъ встрѣченъ народомъ, какъ не встрѣчался до сего времени ни одинъ изъ патріарховъ, и въѣхалъ въ городъ величественно“...

Одновременно съ симъ царь Михайлъ объявилъ, что „Шереметевъ и Мезецкій, присягнувъ 10-го декабря (1618 г.), заключили миръ съ польскими и литовскими послами на 14 лѣтъ и 4 мѣсяца, пошли на Литву и плѣнныхъ отдали“...

Затѣмъ было объявлено о вступленіи на патріаршіи всероссійскій престолъ Филарета и возведеніе его въ санъ патріархомъ Іерусалимскимъ Теофаномъ, пребывавшимъ въ это время въ Москвѣ и титуловавшимся: „патріархомъ Іерусалима и всея Палестины“...

Не забыли также и товарищей по плѣну. Михайлъ Борисовичъ Шенинъ получилъ отъ царя, въ знакъ особаго къ нему благоволенія, шубу и кубокъ; гордый дьякъ Луговскій—тоже шубу и такой же кубокъ; Борисъ Пушкинъ—шубу и кубокъ съ крышкой; то же самое получилъ и Богданъ Глѣбовъ; Андрей Баскаковъ—кубокъ, но безъ крышки; такіе же получили также Иванъ Коробинъ, Борисъ Бартеневъ, Антонъ Загосткинъ, Фома Квашнинъ и наконецъ Василій Павловъ.

Между договаривавшимися комиссарами находился также и кн. Данило Мезецкій, бывшій узникъ Сигизмунда, который, вмѣсто экстрадиціи, дождался того, что получалъ и принималъ своихъ товарищей по плѣну. Этотъ Мезецкій бѣжалъ изъ обоза въ послѣднюю кампанію Сигизмунда, одновременно съ дьякомъ Иваномъ Грамотиннымъ.

V.

Филаретъ, сдѣлавшись патріархомъ, остался имъ до конца жизни, т. е. до 1633 года. Онъ пользовался преимущественнымъ вліяніемъ по управленію государствомъ, не только по дѣламъ духовнымъ, но и политическимъ, что и было естественнымъ съ точки зрѣнія

¹⁾ «Собр. Госуд. Грамотъ», т. III, стр. 184.

родства съ молодымъ монархомъ. Новый патріархъ былъ энергичнымъ человѣкомъ, отличавшимся не столько высшимъ образованіемъ, котораго не получилъ и получить не могъ, сколько практическимъ умомъ. Сѣвъ на Кремль, онъ сдѣлался сразу представителемъ тѣснаго, традиціоннаго, замкнутаго въ себѣ народнаго направленія, основаннаго на религіозной цивилизаціи, суроваго и усердно очищающаго все то, что налетало съ Запада. Одной изъ главныхъ жертвъ его системы и взглядовъ сдѣлался князь Иванъ Хворостинъ, умный, свободомыслящій и одинъ изъ тѣхъ, которые инстинктивно стремились къ Западу, охваченному вѣяніемъ реформаціи. Хворостинъ былъ даже склоненъ обратиться къ Риму, такъ какъ чувствовалъ себя обезкураженнымъ и недовольнымъ всѣмъ, что его окружало. Еще до Филарета, царь Василій Шуйскій присудилъ его къ изгнанію, потому что князь читалъ еретическія книги, то есть, латинскія или нѣмецкія, не признавалъ постовъ, насмѣхался надъ монастырскими аскетами, ѣлъ мясное на Страстной недѣлѣ и проч. Онъ часто отзывался такъ: „Въ Москвѣ нѣтъ людей и не съ кѣмъ разговаривать“, собирался на Литву или въ Римъ. За все это Филаретъ опять наказалъ его и послалъ въ Кирилловскій монастырь, не позволивъ выходить изъ своей кельи, и поручилъ надзирателямъ давать ему лишь духовныя греческія книги и принуждать къ молитвѣ.

Такимъ образомъ Хворостинъ просидѣлъ девять лѣтъ и только въ 1632 году былъ освобожденъ послѣ присяги, что онъ будетъ исполнять всѣ предписанія греческой церкви и не станетъ читать „еретическихъ“ книгъ.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго, рядомъ съ старинными, византійско-московскими, понятіями, сопутствующими съ момента введенія христіанства, удерживаемаго вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ Константинополемъ и Греціей, мы встрѣчаемся въ Москвѣ съ новѣйшими теченіями, навѣянными неважѣтно съ Запада и начинавшими выпирать византизмъ. Кто рѣшитъ, не слѣдуетъ ли отнести эту борьбу ко временамъ Софьи Палеологъ, сидѣвшей на кремлевскомъ престолѣ? Позже, итальянское вліяніе вытѣснялось нѣмецко-реформаторскими идеями, просачивавшимися со стороны Литвы. Иванъ Грозный посылалъ московскихъ людей для изученія теологіи въ Царьградъ и въ Аенны, а Борисъ Годуновъ позволялъ имъ учиться на Западѣ. Бояре убѣгали за границу, ибо многіе считали ихъ еретиками и негодяями; о полякахъ же говорили: „Пусть только наши побудутъ съ ними одинъ годъ на службѣ, такъ на слѣдующій годъ къ нимъ убѣжить добрая половина нашихъ, а изъ бѣдныхъ—ни одинъ не останется“... Поэтому

то въ письмахъ Хворостина было „много неприличныхъ и оскорбительныхъ словъ для православной вѣры, о святыхъ мученикахъ и о людяхъ московскихъ“. Хворостинъ говорилъ: „Москвичи съютъ жито, живутъ ложью, государь русскій—деспотъ“... Впрочемъ, народъ находился подъ вліяніемъ низшаго темнаго духовенства, о чемъ говоритъ и А. Трачевскій въ своемъ „Учебникѣ Россійской исторіи“. Хворостинъ опровергалъ нужды церковныхъ обрядностей, существованіе жизни вѣчной святыхъ и запретилъ своимъ слугамъ ходить въ церкви. Очевидно, не католическіе ксендзы были его учителями...

Поэтому, первымъ распоряженіемъ Филарета было запретить опаснаго пропагандиста „новшества“ и держать его взаперти до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается безопаснымъ.

Правдоподобно также, что, принимая во вниманіе исключительное и небывалое положеніе новаго патріарха, границы его правъ и привилегіи само собою расширились: Филаретъ получилъ титулъ „Великаго Господаря“ и считался регентомъ,—чѣмъ, въ сущности и былъ, въ полномъ значеніи слова,—принималъ участіе въ засѣданіяхъ царскаго совѣта и присутствовалъ на аудіенціяхъ, назначаемыхъ иностраннымъ посламъ. Его дворъ и все окружающее равнялось тому величію и роскоши, какими любилъ окружать себя молодой царь, согласно церемоніалу, даже пользовался приказомъ, въ силу котораго лица, находившіяся подъ властью патріарха, освобождались отъ всякихъ государственныхъ повинностей; у него была даже отдѣльная патріаршая юрисдикція по церковнымъ дѣламъ.

Продолжительное, вынужденное пребываніе въ Польшѣ могло только раздуть непріязнь, какую Филаретъ питалъ къ полякамъ и всему Западу, и доставилъ ему даже нѣкоторую опытность въ лелѣянніи мысли о возмездіи, которое служило какъ бы осью позднѣйшей политики въ Кремлѣ. Онъ, отказывавшійся отъ патріаршества, вслѣдствіе нездоровья и безсилія, велъ въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ государственнымъ дѣломъ съ энергіей и рѣшительностью, съ закаленностью, вызванною бурной колеей жизни и преслѣдованіемъ его врагами!

Собственно, Филаретъ Никитичъ, по современнымъ даннымъ, не отличался ееологической эрудиціей, такъ какъ сдѣлался монахомъ по принужденію (обычное радикальное средство сдѣлать претендента безопаснымъ, ибо въ этомъ состояніи онъ терялъ возможность вступить на престолъ); тѣмъ не менѣе онъ былъ выдающимся представителемъ идеи, враждебной латинизму, чему впрочемъ онъ далъ явныя доказательства въ 1610 году, какъ членъ духовенства

и какъ патриотъ, смотря на латинизмъ, какъ на ересь. По его смерти, въ его библіотекѣ нашлась рукописная копія (въ 12 листовъ) съ трактата кн. Василя Острожскаго противъ „Римскихъ еретиковъ“. Сколько можно понять изъ краткой записки, это вѣрно диссертация кн. Василя Острожскаго, почившаго въ началѣ XVII вѣка послѣ уніи, къ которой временно присоединился. Вліяніе патриарха обнаруживается и въ приказахъ, данныхъ съ высоты Кремля въ церковномъ стилѣ, украшавшемъ часто предметы политическаго характера.

Въ 1619 году начинаются татарскія дѣла, когда, какъ извѣстно, оба государства, Москва и Польша, покупая „поганцевъ“, травяты ихъ взаимно другъ на друга, и когда татары хитро и по-купечески эксплуатируютъ антагонизмъ обонхъ государствъ. Москва скрываетъ передъ татарами заключенный съ поляками договоръ, и они узнаютъ о немъ позже. Михайлъ Ѳеодоровичъ прежде всего посылаетъ въ Крымъ съ предложеніемъ союза противъ Рѣчи Посполитой. Филаретъ же ведетъ переговоры съ Крымомъ, когда дѣло доходитъ до направленія татаръ на Сивизмунда; даетъ отчетъ обо всемъ своему сыну; вскрываетъ письма въ отсутствіе царя; читаетъ ихъ и, запечатавъ своею печатью, отсылаетъ Михайлу въ какой-либо монастырь, въ которомъ государь временно пребываетъ. Съ своей стороны, молодой монархъ совѣтуется съ отцомъ, когда дѣло касается пограничныхъ споровъ или когда комиссары жалуются на Александра и Николая Гонсѣвскихъ, Михаила Униховскаго и Мартына Карлинскаго...

Въ 1621 году царь Михайлъ совѣтуется съ патриархомъ по поводу отказа ему поляками титула; на границахъ происходятъ битвы; литвины занимаютъ земли; строятъ семьдесятъ деревень и селъ въ Путивльскомъ, Брянскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ уѣздахъ: Какъ только Турція послала своего дипломата въ Москву съ цѣлью двинуть ее на Польшу, Филаретъ принимаетъ посла и съ удовольствіемъ ждетъ момента возмездія и, вѣроятно, особенной частной мести.

Такъ, напримѣръ, Филаретъ Никитичъ пишетъ своему сыну въ 1619 году, чтобы онъ позволилъ купцамъ литовскимъ, согласно съ актомъ перемирія, торговать въ Путивлѣ и другихъ Сѣверскихъ городахъ; но чтобы эти купцы располагались за городомъ и за чертою съ тѣмъ, „чтобы имъ построить особенные дворы и въ городъ не впускать“. Въ Москву тогда купцы еще не могли въѣзжать и только по заключеніи поляновскаго перемирія они получили эту привилегію. Затѣмъ онъ опять принимаетъ участіе въ щекотливомъ вопросѣ относительно титула королевича Владислава;

совѣтуеть, чтобы въ пограничныхъ мѣстечкахъ не принимать писемъ отъ пограничныхъ старостъ литовскихъ, если Владиславъ титулуется на нихъ царемъ. Принимаетъ также участіе въ обсужденіи вопроса о проведеніи новой границы ¹⁾.

У насъ имѣется документъ изъ этой эпохи, когда онъ въ полной силѣ своей власти и патриаршаго величія правилъ въ Кремлѣ, защищалъ свою вѣру и цивилизацію отъ постороннихъ вліяній и отъ уніи, подобно тому, какъ цари и патриархи XVI вѣка защищали границы отъ католицизма и реформаціи. Кирилль Ставровецкій, архимандритъ черниговскій, находясь подъ скипетромъ Рѣчи Посполитой, перешелъ въ унію, или какъ прежде называли на официальномъ языкѣ,—въ латинскую ересь, вводилъ ее въ церковныя книги, печатанныя на Литвѣ. Книги эти, несмотря на строгое запрещеніе, привозили тайно изъ-за границы въ Путивль кievскіе и другіе купцы и продавали ихъ разнымъ людямъ. Въ продажѣ встрѣчались также и рукописные трактаты религіознаго содержанія. Поэтому-то, когда случалось, что прибывшіе изъ-за границы и порубежныхъ городовъ купцы, какъ напр. изъ Смоленска, провозили ихъ цѣлыми кипами и, несмотря на запретительныя объявленія, начинали ихъ продавать, въ Торопцѣ, тотчасъ наряжалось слѣдство, купцовъ отставляли назадъ на другую сторону города, а книги сжигали и запрещали привозить съ такимъ товаромъ, „ибо и такъ достаточно книгъ въ Московскомъ государствѣ, московской печати“ ²⁾.

Затѣмъ, въ 1628 году, по приказу патриарха Филарета, въ Торопцѣ сдѣланъ былъ обыскъ и просмотръ Евангелій того же архимандрита Ставровецкаго, въ которыхъ найдено много ереси, противорѣчій съ древними евангельскими поученіями и новыми московскими книгами святыхъ отцовъ. Въ виду этого, всѣ онѣ были конфискованы, забраны съ другими дѣлами Кириллы и преданы огню, „дабы ересь больше не распространялась“. Одновременно же торопецкій воевода приказалъ оповѣстить всѣхъ жителей города, чтобы они не смѣли держать у себя подобныхъ книгъ и не употребляли иныхъ молитвенниковъ, кромѣ московской печати, какъ равно и не ѣздили на Литву покупать ихъ. Если же кто утаитъ такія книги въ своемъ домѣ, не принесетъ ихъ самъ властямъ или если таковыя нашлись бы у купцовъ, преступники будутъ жестоко наказуемы, да еще дважды: разъ—свѣтской властью, а второй—духовной, здѣсь же и тамъ по приказу патриарха.

¹⁾ «Письма Русскихъ Государей». 1848 г., стр. 40.

²⁾ «Акты Москов. Госуд.», т. I, стр. 224.

Обереганіе отъ католицизма, реформаціи или, въ позднѣйшее время, отъ распространявшейся на литовскихъ границахъ униі, какъ напр., въ черниговщинѣ, сѣверщинѣ и Смоленскѣ,—началось уже въ концѣ XV вѣка, когда въ Европѣ пробудилось религиозное движеніе. Въ Москву проникали купцы и ремесленники, ищущіе заработка, между которыми были кальвины и люди латинской вѣры. Въ 1570 году на дворѣ Іоанна Грознаго является въ польскомъ посольствѣ Рокита, чешскій пасторъ, съ которымъ царь диспутируетъ о необходимости исполненія добрыхъ дѣлъ ради спасенія души, какъ равно и объ обрядовой сторонѣ религіи, отвергая теорію спасенія только въ одной вѣрѣ. Въ другой разъ царь диспутируетъ съ пасторомъ Бокомъ о значеніи лютерализма. Несмотря на это, во второй половинѣ XVI вѣка, нѣмцы-протестанты, пребывавшіе въ Москвѣ, исходатайствовали разрѣшеніе открытыхъ собраній, чего, какъ извѣстно, не могъ добиться ни католическій ксендзъ Поссевинъ, папскій легатъ, ни Рѣчь Посполитая для католиковъ, такъ какъ послѣднихъ боялись какъ защитниковъ политическаго вліянія папства и закоренѣлыхъ враговъ византійской церкви. Нѣмцы, главнымъ образомъ, напывали изъ Лифляндіи. Несомнѣнно, протестанты или кальвинисты имѣли преимущество вслѣдствіе того, что находились въ оппозиціи съ Римомъ.

Зато съ Константинополемъ, то есть, съ его греческимъ духовенствомъ, отношенія были тѣсныя и прочныя, несмотря на турецкія притѣсненія надъ Босфоромъ и на то, что церковь Св. Софіи была превращена въ мечеть, и даже на враждебное настроеніе къ мусульманамъ.

Тотчасъ по принятіи духовной власти Филаретомъ, царь отозвался торжественнымъ манифестомъ, изданнымъ въ 1619 году:

„Пословъ царскихъ Филарета и Голицына Сигизмунтъ зѣло обижалъ и, какъ узниковъ, отправилъ на Литву, гдѣ Филаретъ много выстрадалъ. Яко подстрекатель, онъ былъ пересылаемъ съ мѣста на мѣсто и запираемъ одиноко, ибо у него всѣхъ слугъ отняли (?). Тогда святой мужъ сдался на Бога: стоя на землѣ, онъ духомъ обрѣтался въ небѣ. Но когда Михаила избрали на престолъ и онъ постоянно думалъ объ освобожденіи отца, а равно, когда былъ заключенъ миръ между обоими государствами, Филаретъ вернулся въ Москву, а тѣ же поляки и литвины, которые его обижали, проводили его съ почетомъ до границы, упрекая себя за оскорбленія, какія испытывалъ святой мужъ. Филаретъ прибылъ въ Москву, а Михаилъ выѣхалъ ему навстрѣчу и т. д.“...

Въ манифестѣ описывается пріемъ, которымъ былъ почтенъ выс-

пшій изъ духовниковъ, увѣдомляется народъ о возведеніи его въ санъ патріарха и даже говорится:

„Въ тотъ часъ прибылъ патріархъ іерусалимскій, Теофанъ, ушедшій передъ гоненіемъ турокъ, котораго царь принялъ съ по-добающимъ благочестіемъ. Патріархъ же, видя, что православная церковь остается безъ верховнаго пастыря, созвалъ на совѣтъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ со всѣмъ синклитомъ духовнымъ, и они стали просить Филарета принять правленіе патріарха. Филаретъ, хотя былъ достойнымъ сего сана, объяснилъ, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ вслѣдствіе состоянія здоровья, истерзаннаго гоненіями Бориса и его враговъ. И только когда сынъ и все духовенство начали просить его принять выборъ, его провозгласили патріархомъ и т. д.“

Само собою разумѣется, что патріархъ Теофанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Іерусалимъ богато награжденный, увозя съ собою письма новаго сановника церкви къ тремъ патріархамъ: константинопольскому, александрійскому и антиохійскому, которые принадлежали къ греческой церкви. Согласно обычая, новый патріархъ объѣзжалъ столицу на ослѣ.

Вліяніе регента было такъ велико и могущественно, что если кто осмѣливался противиться ему, то долженъ былъ уходить предъ его гнѣвомъ. Дьякъ Иванъ Грамотинъ, извѣстный намъ по отношеніямъ къ Сигизмунду, былъ изгнанъ имъ и вернулся въ Москву лишь по смерти патріарха, хотя былъ заслуженный человекъ и имѣлъ большое вліяніе на царскомъ дворѣ.

Филаретъ оставилъ сухую и неясную хронику своего времени, подъ названіемъ: „Рукопись Филарета“, изд. Мухановымъ, хотя нѣкоторые критики не признаютъ патріарха ея авторомъ, усматривая въ ней скорѣе простую, заурядную лѣтопись, списанную на основаніи разказовъ кн. Котырева.

Не кто иной, какъ только Филаретъ сослалъ князей Салтыковыхъ, родныхъ извѣстнаго эмигранта на Литвѣ, Михаила Глѣбовича Салтыкова, и замѣнилъ ихъ новыми людьми. Единственной причиной этой кары были придворныя интриги, съ цѣлью недопущенія до брака Государя съ боярыней Анастасіей Хлоповой, послѣ чего царь Михайлъ женился на Маріи Долгоруковой.

VI.

Когда князья Салтыковы, оставшіеся въ Москвѣ, потеряли свое значеніе въ правленіи государствомъ, на Литвѣ, въ Смоленскомъ воеводствѣ, поселяется извѣстный намъ кн. Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыновьями и всей семьей. Въ одномъ изъ пожалованныхъ имъ имѣній, Бизюковѣ, находящемся въ девяти верстахъ отъ Дорогобужа, они построили монастырь во имя Воздвиженія Честнаго Креста. Часть этихъ Салтыковыхъ вернулась подъ московскій скипетръ по отнятіи Смоленска у поляковъ, а другая—осталась въ Польшѣ, приняла католичество и дала начало семьѣ Солтыковъ. Такъ какъ Салтыковы послѣ эмиграціи на Бѣлорусь, вслѣдствіе войны, лишились въ Москвѣ своего имущества, а на сѣверщинѣ—всѣхъ доходовъ, какими они пользовались на пограничьи, то король Сигизмундъ счелъ своею обязанностью заняться ихъ судьбою. Гетманъ И. К. Ходкевичъ пишетъ изъ Быхова въ ноябрѣ 1618 года письмо къ королю, въ которомъ поручалъ ему Салтыковыхъ, вѣрныхъ сторонниковъ Вазы, и проситъ для нихъ вспомошествованія:

„Посылаю Вашей королевской милости Солтыка (Салтыкова), дошедшаго до крайней нужды. Онъ уѣхалъ изъ Смоленска вслѣдствіе того, что Гонсѣвскій не находилъ возможнымъ держать въ крѣпости много москвичей. Довольно было времени для измѣны, если бъ его не поддерживала добродѣтель и вѣрность; но я не замѣтилъ въ немъ никакой измѣны. Онъ потерялъ все и, оставивъ своихъ сыновей въ Смоленскѣ, отдался подъ вашу опеку съ просьбою дать ему насущный кусокъ хлѣба и уголокъ для жизни, въ которомъ бы онъ могъ кончить свое жалкое существованіе. Если же онъ не заслуживаетъ никакой награды, то справедливость требуетъ не дать ему умереть съ голоду, не столько изъ сожалѣнія къ нему, сколько ради того, что онъ предоставилъ себя покровительству вашей королевской милости. Не меньшее горе угнетаетъ стараго Солтыка вмѣстѣ съ Трубецкимъ, вслѣдствіе постоянного грабежа ихъ имѣній разными людьми. Я охраняю ихъ, сколько могу, но кто можетъ уберечься въ настоящее время отъ постоянно повторяющихся нападеній на деревни? Требуютъ податей по восемь золотыхъ съ волоки, а это для нихъ представляется невозможнымъ, вслѣдствіе окончательнаго обѣднѣнія крестьянъ 1)“...

1) «Сборникъ Муханова», стр. 185.

Благодаря этому письму, новое отечество приютило Салтыковыхъ, такъ что они сдѣлались не послѣдними его гражданами; но о нихъ мы не станемъ здѣсь распространяться, такъ какъ они представляютъ богатый матеріалъ для отдѣльнаго очерка, и упомянули о нихъ лишь потому, что они имѣли связь съ дѣятельностью патріарха Филарета, который, страдая подагрой, умеръ во время пограничныхъ переговоровъ, кажется, 11 октября 1633 года, не доживъ до поляновскаго соглашенія, противнаго его политикѣ. Дата его смерти впрочемъ точно не установлена, и русскіе историки опредѣляютъ ее различно, вслѣдствіе чего мы взяли ее изъ „Актвъ, собранныхъ Археологической комиссіей“... Спб. 1836 г.

Если бы патріархъ жилъ дольше, то несомнѣнно глубоко почувствовалъ бы пораженіе, какое встрѣтили его многолѣтніе труды и старанія. Можетъ быть онъ былъ бы не въ состояніи пережить триумфа вступающаго на польскій престолъ давнишняго претендента на царскую корону, сына Сигизмунда III-го...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ присланы въ Московскую оружейную палату иконы и портреты изъ стараго митрополичьяго двора въ Коломнѣ, находящейся въ ста верстахъ отъ стольнаго града Москвы. Забытыя издревле полотна естественно находились въ плачевномъ состояніи, вродѣ портретовъ I-го самозванца и Маріи Мнишекъ, которыхъ нашли въ мусорѣ на чердакѣ висневскаго замка. Изъ портретовъ, доставленныхъ изъ Коломны, было рѣшено реставрировать лишь тѣ, которые имѣютъ большое историческое значеніе и цѣнность. Между многими портретами найденъ портретъ и патріарха Филарета, извѣстнѣйшаго лица не только въ дѣянїяхъ Московскаго государства, но и Польши, и воспоминаемаго неоднократно современными бытописателями Рѣчи Посполитой. Филаретъ представленъ въ первосвященнической одеждѣ, съ крестомъ на груди и правой рукой на поясѣ. По лѣвой стороны на столикѣ лежитъ княжеская митра. Когда съ портрета сняли первый слой пыли и грязи, то оказалось, что портретъ былъ уже когда то реставрированъ и наклеенъ на холстъ большихъ размѣровъ, благодаря чему вокругъ образовалась кайма въ нѣсколько вершковъ. Результатомъ дальнѣйшей очистки рѣдкаго изображенія представителя нынѣшней династіи Дома Романовыхъ явилось открытіе, что новыя краски сошли и изъ-подъ нихъ выглянула кисть не какого-либо ничтожнаго мѣстнаго живописца XVIII столѣтія, а художественная работа артиста XVII вѣка. Въ виду этого было рѣшено добыть первоначальный портретъ и снять его съ полотна, на которое онъ, видно, былъ наклеенъ. Такимъ образомъ удалось

получить изображеніе Филарета въ первобытномъ его состояніи ¹⁾).

Въ „Исторіи Россіи“ С. Соловьева имѣется упоминаніе, что въ Польшѣ, по смерти патріарха, заказаны были царемъ Михаиломъ копіи портретовъ Филарета и др. лицъ; поэтому весьма возможно, что сказанное изображеніе его написано въ Варшавѣ или въ Вильнѣ. На немъ представленъ Ѳеодоръ Никитичъ не въ первосвященническихъ одеждахъ, а въ царскомъ кафтанѣ, опоясанномъ дорогимъ поясомъ, въ драгоцѣнномъ плащѣ, наброшенномъ на кафтанъ и обшитомъ горностаями. Волосы на головѣ и бородѣ подстрижены, какъ въ то время носили свѣтскіе люди; въ правой рукѣ — жезлъ; внизу портрета открыта подпись: „Царь Ѳеодоръ Никитичъ“, чѣмъ и доказывается подлинность портрета.

Кажется, есть еще другой портретъ маріенбургскаго узника въ Чудовскомъ монастырѣ. Поверхность его невзрачная и непривлекательная. Черты лица его не отличаются ничѣмъ выдающимся и не обнаруживаютъ духовной силы или силы воли, которыхъ у него однако же было, какъ извѣстно, въ теченіе всей его безпокойной жизни, болѣе чѣмъ достаточно.

Ф. В. Домбровскій.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1863 года, стр. 348.